

*Ф.Х. Наварро Наварро*¹
F.J. Navarro Navarro

**Анархистская культура в Испании, XIX-
XX вв.²**
**Anarchist culture in Spain in the XIX-XX
centuries**
**La cultura anarquista en España, siglos
XIX-XX**

Аннотация: Либертарное движение было широко представлено в политической, социальной и культурной жизни Испании в период с последней трети XIX до середины XX вв. В статье сделана попытка проанализировать основные элементы, наиболее характерные для анархистской культуры и нашедшие свое отражение как в дискурсах, воздействиях и формировании ценностей, так и в практиках, способах и формах выражения, посредством которых данная культура создавалась и распространялась. При этом надо учитывать неоднородность либертарной культуры в Испании, отраженную в целом ряде связанных с ней терминов и определений, таких как «анархистская», «синдикалистская», «индивидуалистская» и т.д.

Ключевые слова: Испания, анархизм, культура, либертарные практики, педагогика, литература, искусство, пропаганда

Abstract: As is well known, the libertarian movement in Spain had a broad political and social presence and presence in the country between the

---

¹ Наварро Наварро Ф. Хавьер – доктор истории, профессор Университета Валенсии; Navarro Navarro F. Javier – Doctor of Historical Sciences, Universitat de València; e-mail: francisco.j.navarro@uv.es

² Пер. с исп. Е.О. Гранцева.

last third of the 19th century and the mid-20th century. At the same time, the rich cultural world linked to these media was characterized by its diversity and complexity, by the variety of its expressions and by the plurality of influences that intervened in its gestation and evolution over time. In these pages we will approach the analysis of some of the main elements that characterized this culture, related both to discourses, attitudes and values and to the practices and modes and forms of expression through which it was built and disseminated. However, it is important to take into account from the outset this heterogeneity of libertarian culture in Spain, markedly multifaceted in its profiles - in tune with the traditions and influences that originated it - and prone to be adjective according to its different modulations: "anarchist", "syndicalist", "individualist", etc.

Keywords: Spain, anarchism, culture, libertarian practices, pedagogy, literature, art, propaganda

Resumen: Como es sabido, el movimiento libertario en España tuvo una amplia implantación y presencia política y social en el país entre el último tercio del siglo XIX y mediados del XX. Paralelamente, el rico mundo cultural vinculado a estos medios se caracterizó por su diversidad y complejidad, por lo variado de sus expresiones y por la pluralidad de influencias que intervinieron en su gestación y evolución a lo largo del tiempo. Nos aproximaremos en estas páginas al análisis de algunos de los principales elementos que caracterizaron esta cultura, relacionados tanto con los discursos, actitudes y valores como con las prácticas y modos y formas de expresión a través de los cuales se construyó y difundió. No obstante, cabe tener en cuenta de partida esta heterogeneidad de la cultura libertaria en España, marcadamente poliédrica en sus perfiles –en sintonía con las tradiciones e influencias que la originaron- y propensa a adjetivarse de acuerdo con sus distintas modulaciones: “anarquista”, “sindicalista”, “individualista”, etc.

Palabras claves: España, anarquismo, cultura, prácticas libertarias, pedagogía, literatura, arte, propaganda

---

DOI: 10.32608/2305-8773-2020-27-1-119-154

Многие специалисты отмечают, что испанские либертариин придавали центральное значение вопросам культуры и образования как ключевым инструментам своего освободительного проекта. В ходе революционного преобразования, эти сферы представляли не как второстепенные составляющие, а как суще-

ственные элементы процесса трансформации личности и общества в целом³. Действительно, надо отметить, что внимание анархистов к вопросам культуры выглядит весьма примечательным и проявляться уже в 1870-х гг. в публичных выступлениях, на страницах прессы и даже в первых практических инициативах (школы, издание книг и брошюр и т.д.), продолжаясь в последующие десятилетия. Как отмечал Хуан Диас дель Мораль, ссылаясь на прессу того времени на страницах своей «Истории крестьянских волнений Андалузии», опубликованной в 1929 году: «Нет рабочего конгресса, на котором не поднимались бы проблемы образования; на некоторых предпринимались попытки создать педагогические училища; все ассоциации поощряют строительство школ; активисты этого дела обычно являются активными читателями газет, брошюр и пропагандистских книг (как они говорят, по социологии) и даже элементарных работ по истории, географии, физическим и естественным наукам; в экзальтации даже массы проявляют благородное желание учиться и самообразовываться»⁴.

Уверенность в преобразующих возможностях разума и науки, уходящая корнями в традиции Просвещения, радикализма и социализма, прослеживается в дискурсе и практике испанских анархистов. Вместе с верой в преобразование человека по средствам развития интеллекта, получения знаний и личной воли к самосовершенствованию, культурная теория и практика присутствовала в анархистской программе, по крайней мере, в двух аспектах. Во-первых, она была связана с идеей необходимости вернуть культуру людям (т.е. гарантировать им доступ к ней) и искоренить невежество, синоним извращенное следствие эксплуатации. Во-вторых, культура здесь воспринималась как революционная ценность, освобождающая и преобразующая личность и общество и, следовательно, неотделимая от освободительного проекта. Без этого личного и социального обучения и последующей «революции совести» (задуманной не только как простое приобретение знаний, но как трансформация цен-

---

³ Álvarez Junco, 1991; Litvak, 1981.

⁴ Díaz del Moral, 1967. P. 182.

ностей, взглядов и обычаев) социальная революция не могла быть завершена. Фактически, только присутствие полностью просвещенных, сознательных, эмансипированных и свободных от предрассудков людей могло гарантировать в долгосрочной перспективе консолидацию будущего постреволюционного общества⁵.

Таким образом, значимость вопросов культуры и образования и их представленность, в том числе, в испанской либертарной печати, неоспорима. Они так или иначе присутствовали в дискурсах различных либертарных направлениях, от коллективизма и коммунизма до индивидуализма и революционного синдикализма, включая либертарный коммунизм и т.п. Очевидно, это «культурная увлеченность», проявлявшаяся в анархизме, как в области теории, так и на практике, не находилось вне пропаганды и распространения идей, которые должны сопровождать прогресс и консолидацию рабочего класса. Также следует иметь в виду, что не во всех вышеупомянутых течениях «культурному вопросу» уделялось одинаковое внимание и значение в рамках революционной программы. Для некоторых из них «внутренняя революция», культурная и интеллектуальная, должна была предшествовать революции политической. По мнению других, только полная победа политической революции позволила бы создать условия, обеспечивающие свободное развитие всех человеческих способностей. Таким образом, неудивительно, что первых обычно обвиняли в «педагогическом» или «образовательном» уклоне, упрекая в приоритете этих вопросов над повстанческой борьбой или профсоюзной работой.

Испанские либертарии хотели действовать как «воспитатели народа», вкладывая большие усилия и энергию в сферу культуры. Они реализовывали это посредством таких инициатив, как работа по созданию школ и других образовательных учреждений, издания книг и популяризации чтения (в том числе создавая «социальную» литературу). Таким образом, либертарии вносили свой вклад в общий культурный проект человеческого освобождения и индивидуального и коллективного совершен-

---

⁵ Navarro, 2004 (a). P. 380.

ствования посредством распространения культуры, и образования на народные массы, и, таким образом, были в значительной степени связаны с испанским движением Ренасимьенто начала XX в. С другой стороны, это была программа, с глубокой революционной ориентацией и основанная на почти абсолютной вере в силу социальной трансформации (и даже искупления) культуры через подлинную «мистическую силу образования».

Таким образом, в анархистском проекте рационалистическая и научная культура пересекалась и взаимодействовала с радикальной, республиканской и рабочей культурами, идеями преодоления неравенства, энциклопедизмом, интегральностью, универсализмом, антиклерикализмом и т.д.

Но культурные и образовательные практики, разработанные либертариями, выполняли, помимо «внешней» функции - распространения и преобразования, - еще одну «внутреннюю» функцию, способствуя формированию и консолидации определенной политической и социальной идентичности, связанных с анархистским и анархо-синдикалистским рабочим движением. Таким образом, культура играла центральную роль в формировании и определении анархистской идентичности. Эти социокультурные отношения и практики, в которых участвовали политические активисты и, в определенной степени, создатели и читатели либертарной прессы, были ключом к их социализации и / или формированию. Они обеспечивали сплоченность группы, консолидировали чувство принадлежности к общественному движению и, в конечном итоге, сыграли важную роль в формировании определенного образа жизни и культуры, связанных с либертарной идентичностью⁶.

В этом контексте следует уточнить, что состояние «анархизма» часто понималось в как конечная цель пути, процесса, итог моральной и культурной трансформации личности. С этим перекликалась идея о необходимости формировании активных членов анархистского движения и тип «самоучки» всегда оценивался очень положительно, как того, кто сумел добиться образования своими личными усилиями. Точно так же «облада-

---

⁶ Navarro, 2004 (a). P. 18.

ние» культурой (по крайней мере, умение читать и писать, быть знакомым с некоторыми произведениями литературы) характеризовало анархо-синдикалистский союз, CNT (Национальную конфедерацию труда), границу между активистами и простыми членами организации⁷.

Все это не означает, что культура не стала полем внутренней борьбы за определение собственной идентичности между различными концепциями либертарной культуры. Так, например, профсоюзные деятели постоянно ссылались на культуру (как синоним образования или обучения) и ставили ее выше любой революционной «авантюры»; индивидуалисты подчеркивали необходимость «революции в умах», глубокого преобразования повседневных обычаев и привычек и т.д.

Однако, несмотря на эту внутреннюю борьбу, вышеупомянутую неоднородность и различное толкование, в контексте которых культура и «культурная работа» воплощались на практике тем или иным течением внутри либертарного движения, культурная работа анархизма в Испании имела некоторые общие координаты. Их можно отметить как дискурсивных основах (культура, которая ссылается на способность личности к самообразованию, предназначена для того, чтобы быть антиавторитарной и находящейся вне государства, является всеобъемлющей и затрагивает различные области социальной и индивидуальной жизни, имеет преобразующий и революционный характер и т.д.), так и в конкретных проявлениях. В отношении последних следует отметить, что мы сталкиваемся с деятельностью, которая осуществляется социальными группами и активистами, связанными с различными объединениями либертарного движения, будь то рабочие общества или союзы, такие как CNT, группы FAI (Федерация Анархистов Иберии), Либертарная молодежь, Свободные женщины и т.п. Иногда это была реализация инициатив различных местных, окружных, провинциальных, региональных или национальных комитетов, которые координировали различные социальные группы. Но в большинстве случаев эта деятельность была связана с объеди-

---

⁷ Monjo, 2003. P. 481.

нением активистов в группы по интересам (на рабочем месте или в союзе, по соседству или в образовательном учреждении)⁸. Их результатом затем становились лекции, беседы и дискуссии, курсы и вечерние школы для взрослых и светские школы для детей, библиотеки, публикация периодических изданий, книг и брошюр, художественные вечера, загородные экскурсии, практика эсперанто, натурализма и т.п.

Таким образом, это была чрезвычайно широкая и разнообразная культурная деятельность, важной чертой которой является именно децентрализованный характер, по крайней мере, до начала гражданской войны в 1936 г. Она сочетала в себе различные инициативы, отличалась богатством, сложностью, а также автономностью и рассредоточенностью, вместе с нехваткой ресурсов и иногда проявляющейся атмосферой скрытности или полу-секретности (в связи с внешними репрессиями). Характер ее был не однороден, отличался периодами активности и простоя. Также надо отметить, что изначальная решимость не всегда сопровождалась успехом в практической реализации и не отличалась стабильностью.

Испанские либертарианцы верили в возможность создания автономных, самодостаточных культурно-образовательных стратегий и практик как альтернативы государственным, официальным и общественным структурам. Это будет отличать их от других участников рабочего движения, таких как социалисты, которые с 1918 года сделали ставку на глубокую реформу государственного образования. При этом гражданская война 1936-1939 гг. во многом изменила ситуацию и побудила либертарную прессу распространять информацию об инициативах в этой области, разработанных республиканскими организациями, такими как Культурное ополчение (*Milicias de la Cultura*), Рабочие институты (*Institutos Obreros*) и т.д. Война также способствовала интеграции либертарных проектов в образовательные модели общественного и государственного характера, как это произошло с CENU (*Consell de l'Escola Nova Unificado*) в Каталонии и даже привела к руководству всей государственной куль-

---

⁸ Navarro, 2002.

турной и образовательной политикой астурийского представителя CNT Сегундо Бланко, назначенного в апреле 1938 г. министром общественного просвещения и здравоохранения в правительстве Хуана Негрина⁹.

Надо также сказать, что у истоков анархистского движения в Испании был ряд символично-культурных элементов и практик, которые сыграли основополагающую роль в построении либертарной идентичности и в реализации ее коллективных проявлений. Как и в других политических культурах и социальных движениях, здесь мы находим целый ряд символических элементов и объединяющих представлений, мифов и ритуалов разного рода, многие из которых происходят из традиций рабочего класса. Среди них мы могли бы упомянуть, например, использование определенных символов идентификации: флаг с сочетанием красного и черного цветов (с 1930-х гг.), аббревиатуры FAI и CNT, сборники анархистских песен, включавшие самые значимые гимны *Hijos del Pueblo* и *¡A las Barricadas!*, первый из которых был утвержден в 1889 году, а второй появился в 1930-х гг. Специфично было и использование имен – персональных или используемых в названиях публикаций или общественных объединений – связанных с природой, светом, борьбой, действием, искуплением, прогрессом и т.п. Создавались новые ритуалы, выражающие желание уйти от религиозного контроля и, насколько это возможно, от государства (включая смену имени, регистрацию новорожденных, браки, «свободные» союзы, захоронения и т.д.) или обряды утверждения коллективной идентичности: поминки, акты почтения, «утверждение», «братание» и др.

В испанской анархистской культуре также появился свой календарь (с важными датами, отмечаемыми тем или иным способом: годовщина Коммуны или казни чикагских мучеников, 1 мая, 19 июля и т.п.), а также общая потребность систематизировать свою собственную историю, которая утвердила идентичность движения в прошлом, включая причастных к его формированию историков, таких как Ансельмо Лоренцо, Ману-

---

⁹ Tiana, 1987.

эль Буэнакаса, Жозе Пейратс, Абель Пас и др. (это традиция сохраняется до настоящего момента, включает в себя работу фондов и центров документации и связана с именами Ансельмо Лоренцо, Сальвадора Сеги, Исаака Пуэнте и др.), одной из задач которых является как раз сохранение и восстановление либертарной памяти.

Этические и поведенческие модели для приверженцев либертарного движения воплощались в фигурах «апостолов», формировавших парадигмы поведения. «Мученикам» движения (от рабочих Чикаго до тех, кто погиб в революционных восстаниях 1930-х годов и гражданской войны, включая мучеников Монжуика или такую символическую фигуру как Франсеск Феррер и Гарда) посвящались специальные выпуски газет и журналов, стихи, рисунки, фотографии и т.п. Также в этой иерархии присутствовали «герои» рабочей борьбы (ярчайший пример - возвышение Дуррути во время войны и после нее), а также «мудрецы» (мыслители, ученые и художники, чьи работы способствовали прогрессу человечества).

В первых абзацах этой статьи мы говорили об интересе испанских анархистов ко всему, что связано с педагогикой и образованием, не только в дискурсивном поле, но и в области инициатив и практик. Многие из наиболее важных испанских писателей-анархистов и публицистов занимались педагогическими вопросами и писали о них (Ансельмо Лоренцо, Федерико Уралес, Рикардо Мелья, Хосе Прат, Игинио Ноха Руис и др.). Это объясняется не только вышеупомянутой верой в возможности образовательного и формирующего действия индивида, той подлинной мистикой образования, которая дала ему значительный трансформирующий и революционный потенциал, но также и верой в врожденные возможности учащегося, будь то ребенок или взрослый. При этом, не стоит слишком увлекаться оценкой этих дискурсов и «педагогического измерения» внутри либертарного движения¹⁰. Не только потому, что дискуссии по данным вопросам редко выходили за пределы организации, но также в связи с тем, что эта повестка зачастую уступала в зна-

---

¹⁰ Solà, 1980.

чимости другим аспектам революционной тактики и стратегии, и на практике, по сути, им подчинялась.

При этом, с начала истории испанского анархистского движения, то есть со времени иберийских последователей Первого Интернационала, мы находим обращения к вопросам образования и тренировки. Их можно найти в первом манифесте мадридского ядра АИТ в 1869 году, они упоминаются на первом конгрессе Испанской региональной федерации (FRE) АИТ в Барселоне в 1870 году и в различных статьях, опубликованных в те же годы в газете *La Federación* об «интегральном образовании». Эта идея, отстаиваемая, в частности, французским анархистом Полем Робеном и сформированная под влиянием, среди прочего, утопического социализма (особенно Фурье и его школа-семинар), а также Прудона, пришла к обозначению необходимости делать ставку на образование, целью которого является равное, сбалансированное, полное и гармоничное развитие моральных, физических и интеллектуальных способностей человека. Особенно внимание этому вопросу среди испанских интернационалистов было уделено на втором конгрессе Испанской региональной федерации (FRE), состоявшемся в Сарагосе в 1872 году, где свое мнение представил Тринидад Сориано и конгресс его одобрил. Вопросы образования здесь были тесно связаны с идеей всеобщей социальной эмансипации. Ставка делалась на всестороннее образование (включая конкретный план обучения), понимаемое как социальное, общественное, рациональное, научное и светское.

После раскола испанского интернационализма, сформированная им позиция по вопросам образования продолжала поддерживаться анархистами. Подтверждение этому можно найти на Кордовском конгрессе (1872 г.), где подчеркивалась необходимость создания собственных («международных») школ. Этот вопрос продолжал обсуждаться на местных и региональных конференциях, и в последующие годы были достигнуты некоторые конкретные успехи в отношении школ, связанных с рабочими обществами, но подпольные условия, в которой организация оказалась после 1874 года, сократили ее влияние. Внимание к проблемам образования уделялось и наиболее рефор-

мистскими частями испанского бакунизма (в отличие от тех, которые делали ставку на повстанческую деятельность).

На практике это анархистское стремление к образованию было скорее преобразовано в общий опыт с другими элементами республиканского, федерального и рабочего характера в образовательных обществах, а также в народных и рабочих учреждениях образования, укоренившихся в те годы. 1880-е годы привели к созданию Федерации рабочих испанского региона (FTRE), под влиянием коллективизма. В это время характерным процессом была интеграция анархических образовательных практик в общее движение борьбы за светскую школу. Упоминания об этом появляются на конгрессах FTRE в Севилье (1882 г.) и Валенсии (1883 г.), но более важным был анархистский вклад в консолидацию светских школ (а также в платформы и конференции, которые способствовали их появлению и развитию), процесс, связанный с республиканскими идеями, масонством и свободомыслием, распространявшимися в течении последних двух десятилетий XIX века.

В это время формировалась питательная среда, которая способствовала успешным практикам испанских либертарных кругов, среди которых Современная школа (Escuela Moderna), открывшая свои двери в Барселоне в 1901 году. Как уже отмечалось, опыт Франсеска Феррера и Гарда был результатом разнообразных влияний, включавших рабочие идеи об обучении (например, уже упоминавшееся интегральное образование и идеи Робена), светское образование, масонство и свободомыслие, анархизм, педагогическое обновление, интеллектуальный климат, благоприятный для позитивизма и сциентизма, а также наличие среды, благоприятствующей регенерационистским компаниям и образовательному реформизму. Пример Современной школы Феррера распространился в течение первого десятилетия XX века по разным частям Испании, и, хотя его распространение было приостановлено репрессиями после Трагической недели в Барселоне в 1909 году и казнью самого Феррера, данный процесс был продолжен в последующие годы.

Хотя эклектическая модель Современной школы не отвечала исключительно либертарному профилю, она в следующие десяти-

тилетия стала определенным эталоном для школ, связанных с испанскими анархистами и анархо-синдикалистами. С другой стороны, этот пример служил для окончательной кодификации определенных ключевых идей, присутствующих в либертарной педагогике, в ее теории и практике. Так, например, мы можем здесь говорить о свободной и антиавторитарной педагогике, которая ставит ученика в центр образовательной деятельности и исключает принуждение и репрессии. В соответствии с либертарными взглядами, устранение всех форм власти необходимо здесь, чтобы гарантировать преследуемую цель: полное и автономное развитие различных человеческих способностей. И, следует подчеркнуть, всех из них: интеллектуальных, практических, моральных, а не только некоторых, поэтому мы сталкиваемся с педагогикой, которая объявляется целостной. Предлагаемое образование также является рациональным и научным по своей природе, и светским по своим подходам, находящимся абсолютно вне религиозной сферы. Оно также является эгалитарным: практикуется (как в случае с Современной школой) совместное обучение социальных классов, а также полов. Это образование, находящееся вне государства и всех органов власти, со школами и образовательными центрами, которые действуют самостоятельно. Также подразумевалось, что образование имеет революционное назначение. Последнее было самым спорным моментом, вызывавшим дискуссии среди анархистов. При этом было очевидно, что глубоко преобразующий и независимый характер этого типа образования, сделал его цели революционными.

Но возможно ли, чтобы это никак не отразилось на образовательном процессе, если цель образования заключается в формировании и развитии свободных духом и критичных противников всякой власти? Рикардо Мелья или Элеутерио Кинтанилья, например, выступили против идеологизации и догматизма, которые, как они считали, присутствуют в модели Феррера и в других либертарных педагогических идеях, и выбрали недирективную школу, защищая «педагогический нейтрализм», тенденцию, которая в последующие годы также будет иметь большое влияние среди анархистов.

Что касается методологии, определенные элементы школьной практики Феррера и его педагогические теории активно использовались в анархистских образовательных учреждениях, включая пристрастие к течениям педагогического обновления, поощрение контактов учеников с природой, игровые практики и эксперименты, наличие групповой, художественной работы и ручного труда на уроках. Основным ориентиром был рационализм Феррера, но также учитывалось влияние европейской синдикалистской школьной модели (Франция, Италия и т.д.), сформированной в начале XX века. В течение 1910-х и 1920-х гг. были открыты различные школы, связанные с рабочими организациями, включая профсоюзы, входившие в Национальную конфедерацию труда (CNT), новую анархо-синдикалистскую организацию, созданную в 1910 году¹¹.

Вопросы школы и образования обсуждались на всех конгрессах Конфедерации с момента ее основания. Так, на учредительном конгрессе в Барселоне в 1910 году эта тема поднималась под заголовком: «Необходимость создания школ в рамках профсоюзов. Практический способ ее выполнения»; в окончательном постановлении местным обществам или федерациям было рекомендовано «немедленно заняться созданием школ для обучения рабочих». То же самое происходило на конгрессах в 1911 г. (Барселона), в 1918 г. (Региональный конгресс в Каталонии, Сантс) и в 1919 г. (Мадрид), где также обсуждалась эта проблема, высказывались различные мнения, а в некоторых случаях - конкретные предложения по обучению (1918), союзы поощрялись в работе по созданию школ. В любом случае приверженцы CNT уже с 1911 года явно выступают за «рациональное» или рационалистическое образование, также направленное на обучение детей (с моделью Феррера в качестве фундаментального ориентира), а не только на взрослых. Эта приверженность подтверждалась и в будущем, на конгрессах 1931 г. (Мадрид) и 1936 г. (Сарагоса). Конгресс 1919 г. также рассмотрел конкретные аспекты, связанные с организацией этих «рационалистических» школ, такие как создание комитета по вопро-

---

¹¹ Solà, 1976; 1980.

сам образования при Национальном комитете CNT, который помогал бы профсоюзам в создании образовательных центров и основание собственного образовательного учреждения национального масштаба для подготовки учителей. Внимание к школьной проблеме со стороны анархо-синдикалистов в эти годы было бесспорным, о чем также свидетельствуют многочисленные публикации, популяризация наследия Феррера в прессе, выпуск книг и брошюр по этим темам. И не только теоретического характера. Одна из глав известной работы «Адвокат Рабочего» (Севиля, 1912 г.) учителя-рационалиста, пропагандиста и активного андалузского анархиста Хосе Санчеса Росы была посвящена именно «Открытию школ» с юридическим и административным советами по этому поводу.

Результатом стало возникновение в период 1909-1939 гг. множества «рационалистических» школ, связанных с рабочими объединениями в составе CNT, а также анархистских учебных заведений, атенеев и светских школ. Они получили широкое распространение в Каталонии, а также в Валенсии, Мурсии, на Балеарских островах, Андалусии, Арагоне и в некоторых местах на севере Пиренейского полуострова, таких как Галисия и Астурия, что совпало с распространением идей анархо-синдикализма. Некоторые из этих школ особенно выделялись своей учебной практикой, педагогическими опытами или авторитетом учителей и педагогов, связанных с ними. Такова была Рационалистская школа Сантс, также известная как Рационалистская школа Свет, связанная с районным Атенеум рационалистов, которым руководил Жоан Ройже и который был основан в 1918 г. Или Рабочая школа заводского искусства Ла Констанция в барселонском районе Клот, также основанная в 1918 г. Надо упомянуть и школу Ла Фаригола, где работали Жозе Альберола, Жозеп Торрес Трибо и Жоан Пуч Элиас, будущий директор CENU (El Consejo de la Escuela Nueva Unificada) в годы войны.

В период 1910-1920-х гг. в Каталонии работали и многие другие школы, такие как Галилео, Рационалистический Атенеум Грасии, Институт культуры Горациана в Сан-Фелиу (где работал известный педагог Жозе Касасола). То же можно сказать и о

других провинциях. В Валенсии надо выделить Самуэля Торнера, основавшего Современную школу Валенсии в 1906 году, вышеупомянутых Альберола и Касасола, Альбано Роселья, Антония Маймона, Фортунато Барта, Эусебио Карбо и др. В это время были основаны рационалистические школы в Валенсия, Аликанте, Хативе, Альке, Эльде и других городах. Благодаря деятельности активистов, пропагандистов и учителей-рационалистов был основан ряд учебных заведений в Андалусии (Санчес Роса, Ноха Руис) и Астурии (Элеутерио Кинтанилья).

Рационалистические школы объединяли детей активистов и сторонников либертарного движения, а также местных рабочих. Создание рационалистической школы (наряду с библиотекой), несомненно, было наиболее важной задачей в области культуры, стоявшей перед анархистскими объединениями в те годы. К этому следует добавить организацию курсов, лекции и других форм обучения взрослых в вечернее время. Часто этот интересный образовательный опыт сталкивался с нехваткой материальных средств и достаточного количества учителей, беспорядочными активностями или отсутствием атмосферы, гарантировавшей необходимую стабильность и преемственность. Эти школы, как правило, зависели от анархистских союзов и атенеев, с которыми они были связаны, и поэтому страдали от периодических закрытий и приостановки деятельности в 1920-х и 1930-х гг.

Начиная с 1931 года, можно наблюдать возрождение феномена рационалистической школы, связанного с либертарным движением в новом демократическом контексте, а также появление новой волны публикаций об образовании в прессе, а также выход серии книг и брошюр по этой теме. Что касается педагогических практик, то здесь предыдущий опыт сочетался с новым. Некоторые школы были очень активны в эти годы, в том числе в области педагогических экспериментов, среди них, Рационалистическая школа Элисео Реклю на улице Валлеспир в Барселоне, связанная с Атенеом в районе Лес Кортс и управляемая братьями Карраскер, Рационалистическая школа Торрас-

сы, возглавляемая Флореалом Оканья и его семьей, Рационалистическая школа Госпиталь, надо упомянуть также Рабочую школу и многочисленные образовательные центры такого типа в Каталонии и за ее пределами.

В рамках либертарного движения и с учетом вышеупомянутой вниманием, уделяемого воспитательной работе, фигура учителя-рационалиста приобрела особый статус и в конечном итоге стала своеобразной и престижной моделью среди анархистов. Многие из таких учителей также были теоретиками и регулярно писали о педагогических проблемах в прессе и на страницах книг и брошюр, а также являлись авторами литературных и театральных произведений, а иногда интересовались и другими практиками, связанными с либертарной культурой. Так случилось, например, с натуразмом, о котором писали такие учителя-рационалисты, как Альбано Роселль и Антония Мэймон. Часто эти учителя отказались в роли пропагандистов и это превращало их в преследуемых персонажей, постоянно скитающихся по разным анархистским школам.

После провала военного мятежа в июле 1936 года в некоторых частях Испании и складывания новой революционной ситуации, казалось, что атмосфера, способствующая возобновлению опыта рационалистических школ в республиканской Испании, могла быть активирована. Однако в долгосрочной перспективе – в ходе войны и после поражений республиканцев – преобладают военные подходы. Центры этого типа были созданы в Мадриде (Местная федерация либертарных атенеев развернула здесь интенсивную деятельность), Арагоне, Валенсии и Каталонии, где анархисты распространяли свое влияние на CENU (организация, зависящая от Женералитета Каталонии, интегрированная с CNT и отвечавшая за начальное образование в регионе) и FRER (Региональная федерация рационалистических школ)¹².

В то же время активисты CNT развернули интенсивную просветительскую деятельность в сфере борьбы с неграмотностью, обучения взрослых и защита детей. Такие объединения как Ли-

---

¹² Tiana, 1987.

бертарная молодежь (*Juventudes Libertarias*) и Свободные женщины (*Mujeres Libres*)¹³, сыграли особую роль в образовательных инициативах, начатых в эти годы.

Помимо школ, еще одним образовательным инструментом первого порядка с точки зрения анархистов всегда было чтение. И для индивидуального обучения, и для того, чтобы быть одним из наиболее эффективных средств борьбы с невежеством и стимулирования социального и культурного освобождения народа. Так же это был основной инструмент обучения и общения к либертарным идеям. Чтение стало одним из наиболее распространенных способов самообучения анархистов. Оно выступало и в качестве развлечения, но, прежде всего, самообразования, часто с сопровождавшееся нетерпением и желанием получить доступ к знаниям, свойственным самообучению. Кроме того, чтение было существенной частью других коллективных практик, характерных для анархистских ассоциативных структур: коллективных сеансов чтения, чтения с комментариями, литературных бесед и т.п.

Если мы посмотрим на содержательную сторону, через свидетельства или исследование библиотек анархистских центров или каталогов продажи книг либертарных издательств, мы найдем некоторые общие черты. Во-первых, тематическая множественность: помимо прессы, здесь есть тексты и эссе на политические или социальные темы с радикальной, рабочей и анархистской ориентацией, а также романы, драмы, научно-популярные эссе, философские диссертации, книги по географии и истории, трактаты по сексуальности и медицине, учебники по культуре и др. С другой стороны, здесь очевидно разнообразие, созвучное также эклектичным и неоднородным характеристикам, которые Хосе Карлос Майнер отождествляет с чтением рабочего класса в целом¹⁴. Здесь присутствует определенная идеологическая гибкость, которая позволяет объединять не только анархистских или синдикалистских авторов, но и тех, кто разделяет общий дискурс о прогрессе и политическом, эко-

---

¹³ Navarro, 2002

¹⁴ Mainer, 1988.

номическом, социальном, культурном освобождении в самом широком смысле и способствует распространению просвещенной, светской и научной культуры. В любом случае здесь понятие полезности преобладает - с пропагандистской, образовательной или этической точки зрения - над развлечением. Чтение, прежде всего, должно способствовать размышлению.

В то же время популярна была и художественная литература. Здесь выделяются социальное, романтическое и натуралистическое направление французской литературы и русский реализм (особенно популярны были короткие романы с социальной тематикой). В межвоенный период к кругу чтения добавились социальные романы авторов из Центральной Европы и Северной Америки с выраженной антимилитаристской и пацифистской тематикой. Особо выделялись классические и современные авторы-анархисты, а также эссеисты и писатели, которые разделяли с либертариями взгляды на политико-социальные, идеологические и культурные проблемы, особенно антиавторитаризм, социальную критику и защиту передовых ценностей. Еще одна важная характеристика – это стремление к культурному и научному просвещению в различных сферах – от биологии, физики или астрономии до медицины и проблем сексуальности. Здесь можно говорить об обычном сциентизме и уверенности анархистов в преобразующих и революционных возможностях науки как силы, освобождающей человека и общество. Все эти темы отражали содержание анархистских библиотек, как частных библиотек некоторых активистов, так и, прежде всего, профсоюзов, атенеев и других объединений¹⁵.

Создание библиотеки было самым ярким выражением культурной и созидательной воли, которая вдохновляла деятельность каждой либертарной организации, и одной из ее отличительных черт, а также источником гордости для ее членов, когда она была хорошо укомплектована и организована. Существенная часть образовательного аппарата этих центров, библиотек или читальных залов была связана со своего рода *sancta sanctorum* или символическим пространством (часто непосто-

---

¹⁵ Navarro, 2004 (a). P. 147-197.

янным, но всегда присутствующим), отведенным для формирующих, серьезных, «институциональных» бесед, чтения газет, книг и брошюр и т.п. Хотя в большинстве случаев это были скромные библиотеки с ограниченными ресурсами, созданные и поддерживаемые усилиями активистов, редко встречались центры, которые не предоставляли места для этих задач и не выделяли ресурсы на их содержание, которое часто превышало их финансовые возможности. Все, что связано с работой и обслуживанием библиотеки, регулярно обсуждалось на собраниях и советах соответствующих анархистских объединений.

Вселенная либертарной культуры – это вселенная издательской деятельности¹⁶. Издание газет, журналов, брошюр и книг всегда было неотъемлемой частью анархистской практики и основной деятельностью различных анархистских объединений и атенеев (а некоторые из них возникли именно с этой целью). Редко можно встретить ассоциации анархистов или анархо-синдикалистов, которые ни при каких обстоятельствах не брались за проекты публикации бюллетеня, журнала или брошюры, если это было возможно. Также было обычным делом вкладывать значительные усилия в обеспечение их распространения по множеству каналов, включая библиотеки. По данным Франсиско Мадрида, между 1869 и 1939 годами было опубликовано около 900 наименований либертарных периодических изданий и более 3000 книг и брошюр¹⁷. В изгнании эта работа также не прекращалась¹⁸ и дополнялась газетами, тайно издаваемыми внутри Испании во время режима Франко. В эпоху перехода к демократии издательская деятельность сохранила свое значение в качестве одной из привычных форм выражения анархистского движения.

Что касается прессы, то с начала существования интернационализма в Испании газеты и журналы выполняли основные функции как за пределами (пропаганда и мобилизация, альтернативное средство информации в противовес буржуазной рито-

---

¹⁶ Navarro, 2004a. P. 199-261.

¹⁷ Madrid, 2006. P. 111.

¹⁸ Alted and Domergue, 2012.

рике и прессе, распространение либертарной культуры и обучение рабочих), так и внутри либертарного движения: собственная сеть коммуникации, информации и обмена, инструмент для артикуляции и организационной поддержки, рупор для выражения мнения анархистских объединений и т.д. Анархистская пресса выполняла все эти задачи со времен *La Federación* (1869-1874), *La Revista Social* (1872-1884) и продолжала в таких эмблематичных наименованиях как *Tierra y Libertad* или *Solidaridad Obrera*. Здесь важно подчеркнуть роль всех этих периодических изданий как пространства и формы выражения либертарной культуры (культур) и во время кодификации культурного дискурса, безусловно полифонического и дискуссионного.

Интересным явлением в рамках этой публикационной активности было обязательство издавать журналы сугубо культурного характера, что было мотивировано, среди прочего, самой анархистской идеей распространения культуры как освободительного труда. С конца XIX века либертарное движение использовало эту идею. В то время выделялись издания «социологического», культурного, научного и литературного характера, такие как: *Acracia* (Барселона, 1886-1888, под управлением Рафаэля Фарга Пеллисер, Ансельмо Лоренцо и Фернандо Таррида дель Мармоля), *Natura* (Барселона, 1903-1905, редактор Жозе Прат), *Ciencia Social* (Барселона, 1895-1895, редактор Ансельмо Лоренцо) или *La Revista Blanca* (*Revista de Sociología, Ciencia y Artes*, 1898-1905 и 1923-1936), редакционный проект семьи Монтсени). Позже, с 1920-х гг., появляется еще ряд изданий: *Ética*, *Iniciales*, *Generación Consciente*, *Estudios*, *Orto*, *Tiempos Nuevos*, *Libre-Estudio*, *Umbral*, среди изданий, которые начали издаваться в изгнании после 1939 года, надо упомянуть *Suplemento Literario de Solidaridad Obrera-Umbral* (Париж) и *Cénit* (Тулуза).

Любовь испанских анархистов к книге также не вызывает сомнений. Коллекции и «библиотеки» изданных ими книг и брошюр были многочисленны и характеризовались разнообразием и тематической неоднородностью, что было выражением разнообразия культурных и пропагандистских интересов само-

го анархистского движения. Уже в последней трети XIX века появились собрания брошюр, обычно имевшие отношения к периодике: Библиотека рабочих (1872 г.), издаваемая *El Condenado*, Пролетарская библиотека при *La Revista Social*, Анаркокоммунистическая библиотека (Барселона), Библиотека при *El Corsario* (Ла-Корунья), Библиотека при *La Anarquía* (Мадрид), Библиотека при *El Productor* (Барселона) и др. На рубеже веков активизировалась анархическая культурная деятельность в целом и, особенно, издательская деятельность. С начала века, среди прочего, выходят коллекции книг и брошюр *El Productor*, *Tierra y Libertad* и *La Revista Blanca*, издания Современной школы (связанные с педагогическим проектом Феррера) или Библиотека Здоровья и силы, связанная с распространением неомальтузианства. В 1910-х и 1920-х годах эта публикационная активность продолжалась, особенно в Андалусии (*Biblioteca del Obrero*, *Editorial Renovación Proletaria*, *Editorial Pedagógica*), в Каталонии (издательства *La Revista Blanca*, *Acracia*, *Vértice*, серии, издаваемые журналами *Ética* и *Iniciales* и др.), в Валенсии (*Generación Consciente* и продолжающий его *Estudios*, издаваемые в Валенсии, с обширным каталогом брошюр по сексуальной реформе, контролю над рождаемостью и другим темам, которые издавались в период с 1923 по 1937 гг.¹⁹

Начиная с 1931 г., эта книгоиздательская деятельность станет еще более интенсивной, поскольку значительная часть ранее существовавших издательств продолжила свою работу и появились другие: Библиотека *Orto* (с серией *Cuadernos de Cultura*), *Faro*, *Biblioteca Plus Ultra*, Международная анархистская библиотека, Универсальная библиотека социальных исследований, *Ediciones Horizonte*, а также издательства *Tierra y Libertad*, *Solidaridad Obrera* и др. Как мы уже отмечали, в изгнании эта анархистская традиция продолжилась с такими издательствами, как *Tierra y Libertad*, *Universo*, *Libertad*, *Ruta*, *Solidaridad Obrera*, *CNT* и т.д. Либертарные серии, специализирующиеся на распространении художественной литературы, также были многочисленны, особенно в начале XX века и в

---

¹⁹ Navarro, 1997.

1920-х годах. Некоторые из них добились большой популярности, например, *La Novela Ideal*, издаваемая при поддержке *La Revista Blanca* (около 600 коротких романов, опубликованных в период с 1925 по 1938 гг.) и *La Novela Libre* того же издателя²⁰.

Испанские анархисты были не только читателями и издателями, но и писателями. Литературное творчество широко представлено в анархистском культурном мире, особенно в прессе, где часто публиковались стихи и рассказы, но также и различных литературных сборниках. Анархистская литературная эстетика в целом характеризовалась социальным характером и пристрастием к темам, закрепленным в реальности того времени, и таким анархистским ценностям, как бунт и свобода. Это литература, где содержание доминирует над формой. Литература, которая осуждает декаданс, эстетизм и литературные игры, отдавая предпочтение реализму, способному в то же время отражать идеалы освобождения.

Интерес к литературе рос в анархистском движении на протяжении 1880-х гг. Литература постоянно присутствовала на страницах анархистской прессе, а также на Социалистических соревнованиях 1885 и 1889 годов. На первом из них упоминалась необходимость того, чтобы рабочий имел «литературу и собственное искусство, которые служат средством пропаганды». Пролог, который Жозеп Льюнас написал для романа «Хусто Вивес» (*Justo Vives*, «Драматический социальный эпизод», 1893) Ансельмо Лоренцо – возможно, первый пример этого социального романа в испанском анархистском движении – был назван именно «рабочая литература». Льюнас делал ставку на то, что идеи эмансипации рабочих вторгнутся «на территорию романа, театра, развлечений в их различных проявлениях».

В последующие годы анархисты сойдутся с частью интеллектуалов и писателей авангарда, пришедших из модернизма или того, что позже обозначат как «Поколение 1898 года». Этих «буржуазных» интеллектуалов привлекала мятежная, радикально индивидуалистическая и либертарная составляющая анархизма, «модная» на рубеже веков как наиболее радикаль-

---

²⁰ Siguán, 1981.

ная альтернатива буржуазному обществу. Это увлечение было политическим и идеологическим (хотя для многих авторов довольно мимолетным), но прежде всего жизненным и эстетическим, как подчеркнула Клара Лида. Это то, что было названо «литературным анархизмом», где можно найти влияние Ницше или Ибсена, индивидуалистические и иррационалистические течения, подъем богемы, культурный проект модернизма и даже социологизма с натуралистическими корнями вместе с политической и социальной критикой²¹.

Так, на рубеже веков, с анархистскими журналами *La Ciencia Social* и *La Revista Blanca* сотрудничали такие писатели, как Унамуно, Азорин, Маэсту, Хинер де лос Риос, Камба, Маркина, Бароха, Гомес де ла Серна, Сава, Дисента и др. В Каталонии слияние модернизма с анархизмом было еще более очевидным на примере таких писателей, как Пере Короминес, Жоан Бросса, Игнаси Иглесиас и Ла Коля дель Фок Ноу, журнала *La Ciencia Social* или издательской группы *L'Avenir*, вдохновленной Фелипом Кортъельей, в духе анархистской воинственности и с решительной приверженностью к распространению социального театра.

Однако в течение первого десятилетия XX века это явление пошло на убыль, и довольно быстро слияние анархизма с литературным и художественным авангардом исчезло²². Потеря интереса модернистских писателей и интеллектуалов к либертариям сопровождалась растущим недоверием в рядах анархистов к литературному авангарду и фигуре буржуазного интеллектуала в целом. Критика декаданса, элитарности и эстетизма усилилась вместе с усилением интереса к научному рационализму в целом и социальной литературе. Ничто не иллюстрирует лучше это разделение, чем два периода существования *La Revista Blanca*: первый, между 1898–1905 гг., находящийся под влиянием всего сказанного о сближении; второй, между 1923 и 1936 гг., характеризовавшийся размежеванием. Символическим редакционным проектом второго периода существования журнала

---

²¹ Lida, 1970.

²² Mainer, 1988.

(на практике руководимого Федерикой, дочь Хуана Монте-сени) была уже упомянутая серия коротких романов нравоучительного характера *La Novela Ideal*²³.

В последующие десятилетия эстетически менее современная социальная литература рабочего класса, в которой содержание доминировало над формой, навязывает свою гегемонию испанским анархистам. Это была литература, написанная активистами и в разной отражавшая эстетические характеристики романтизма и натурализма. При этом литературное творчество продолжало сохранять свое значение и статус в рамках движения. Доказательством здесь является то, что многие из самых известных испанских анархистских идеологов и публицистов занимались литературным творчеством и писали романы, рассказы, стихи и пьесы: Лоренсо, Льюнас, Серрано Отейса, Тереза Клараунт, Лопес Монтенегро, Монтесени-Уралес и др. Последний автор был особенно плодотворным в этой области, также как его дочь Федерика и, в меньшей степени, его подруга Соледад Густаво (псевдоним Терезы Манье). Точно так же представители следующих поколений анархо-синдикалистов не откажутся от соблазна литературного творчества, включая такие видные фигуры как Сальвадор Сеги и Анхель Пестанья.

Традиция социальной литературы продолжает в дальнейшем Игинио Ноха Руис, Фелипе Алаис, Хосе Санчес Роса, Мауро Бахатьерра, Адриан дель Валье («Пальмиро де Лидия»), Висенте Бальестер, Франсиско Каро Креспо, Феликс Марти Ибаньес и многие другие. Характерно для анархической культуры и частое обращение к литературному творчеству малоизвестных или анонимных либертариив, занимавшихся сочинением рассказов или стихов, публиковавшихся на страницах анархистских газет и журналов (наряду с политическими, социальными и идеологическими материалами), или коротких романов, отпавлявшихся в редакции либертарных издательств.

Хотя анархистское литературное творчество обращалось к различным форматам и жанрам, в нем преобладали рассказы и романы, а также поэзия. Стихи появились, как уже было сказа-

---

²³ Siguán, 1981.

но, в прессе и, в меньшей степени, в книгах и брошюрах за авторством анонимных или известных либертариев, таких как Сальвочеа, Льюнас, Лопес Монтенегро, Селсо Гомис, Бласкес де Педро, Кортиелья, а позже – Медина Гонсалес, Люсия Санчес Саорнил (представитель поэзии ультраизмом и будущий основатель организации Свободные женщины), Элиас Гарсия, Хосе Гарсия Прадас, Антонио Аграс, Феликс Паредес, Сара Беренгер и др. В этой поэзии присутствовали социальные темы, критика неравенства и эксплуатации, идеи возвышения личности, восстания и борьбы против общественного порядка. Форма же определялась смесью стилей, которые варьировались от имитации высокой или народной поэзии до дидактики и наукообразия.

Что касается пластических искусств, анархистская приверженность социальному искусству, жизнеподобию, приверженности идеалам свободолобия и бунтарства, обычно характеризовала художественные произведения либертариев. Здесь художественных ориентиров видно тяготение к традиции Кубре, Менье, Стейнлена, близость к соцреализму и натурализму. Среди основных тем, как указывает Лили Литвак, можно назвать такие как природа, витализм, превознесение науки и труда, идеалы освобождения, социальная критика, репрезентация «обездоленных» и их врагов (таких как Армия, Церковь, Капитал, Государство)²⁴. Анархистская пресса с самых ранних времен была очень восприимчива к этим репрезентациям как к форме выражения и культурной передачи, в гравюрах, рисунках, виньетках, карикатурах и т.п., обычно с обильным использованием аллегорий и стереотипов (как это видно, например, в рисунках Пельисера на страницах *El Condenado* (1872–1874), в соответствии с аутентичной образной педагогикой²⁵. Все это будет иметь продолжение в либертарной прессе на протяжении всей ее истории при сотрудничестве таких иллюстраторов, как Альфонс Вила «Shum», Х. Бартоли, Х. Баррера, Л. Гарсия Гальо «Coq», А. Лескарбоура «Les» и др.

---

²⁴ Litvak, 1981.

²⁵ Morales Muñoz, 2002.

Иконографический материал испанской либертарной культуры очень широк и разнообразен. В целом графическая продукция присутствовала во многих других формах (литографии, гравюры, картины, портреты, фотографии, фотомонтажи, открытки, марки, плакаты и т.д.). Художники-графики, связанные с CNT и анархистским движением, увеличили объем своей работы в годы, предшествовавшие гражданской войне. Примечательными здесь являются примеры арагонца Рамона Асина, Гелиоса Гомеса, Мануэля Монлеона или Жозепа Ренау. Последний, хотя и стал известным коммунистическим интеллектуалом, в 1930-х годах сотрудничал с либертарными журналами (*Estudios*, *Orto*) и занимался иллюстрацией книг и брошюр анархистских издательств, также, как и Монлеон²⁶. Во время войны особенно важна была работа с плакатами, здесь можно назвать имена Артуро Бальестера, Карлеса Фонсере, вышеупомянутого Монлеона и др. В течение этих лет пропагандистская работа многочисленных художников также увеличивалась на страницах либертарной прессы, в производстве иллюстрированных альбомов и фотоматериалов, многие из них продолжили заниматься этой работой и в изгнании.

Помимо данных выражений и проявлений, либертарная культура была тесно связана с обществом, социальная жизнь являлась основой для ее существования. Несомненно, эта культура проявлялась с наибольшей интенсивностью и динамизмом в сфере повседневной жизни, ассоциативной ткани и формах общения, типичных для либертарного движения. Новые культурные формы процветали в повседневной деятельности профсоюзов, в атенеях, внутри групп или объединениях женщин и молодых либертариив. Неоднородность демократического движения и его децентрализованная природа, уверенность во внутренней и внешней полезности анархистских практик, приверженность «сознательному», «полезному» и морализирующему способам досуга (в противовес осуждаемым формам досуга, связанным с алкоголем, азартными играми и проституцией),

---

²⁶ Navarro, 1997.

привели к разнообразию деятельности в этой сфере²⁷.

Важную роль здесь играли и другие элементы: культурно-образовательные практики, осуществляемые профсоюзом или рабочим сообществом, задуманным как моральная школа рабочего, с ответственностью за его формирование, так же значимое место здесь занимали и группы по интересам, связанные с либертарной культурой общения и главные акторы культурной жизни движения. Важность, придаваемая этим вопросам, такими организациями, как Либертарная молодежь и Свободные женщины, среди основных задач которых было обучение молодых активистов и женщин, а также создание инфраструктуры для обучения, которая воплощалась в атенеях. На основе прежних шаблонов и традиций народного и рабочего атенея либертарии построили целую сеть «либертарных», «рационалистических», «синдикалистских» атенеев с культурной и образовательной ориентацией. Атенеи были символическими пространствами для выражения анархистской культуры и формирования ее активных форм, в то же время они выступали в качестве платформ для распространения культуры в общем смысле (включая школы, библиотеки, театральные вечера и т.п.) в рабочих кварталах и других местах, где они появлялись.

Результатом всего этого стала грандиозная демонстрация культурных практик²⁸, от конференций и бесед до коллективных дебатов, семинаров и всего, что связано с миром чтения (создание библиотек, издательская деятельность и распространение прессы, книг, брошюр, индивидуальное и групповое чтение и т.п.). Точно так же существовали и другие практики, имевшие социализирующий и формирующий характер, но с ориентацией, которая оказывала большее влияние на альтернативное использование свободного времени, которое, несмотря на морализаторский характер либертарного социального взаимодействия, позволяло удовлетворять потребности анархистов в досуге.

Это, с одной стороны, феномен вечеров и художественных

---

²⁷ Navarro, 2002.

²⁸ Navarro, 2004 (a).

мероприятий, которые проходили в помещениях анархистских ассоциаций, а с другой - так называемые «туры» или экскурсии по стране, организованные либертарными группами, включая пешие походы, занятия спортом, натурализм и нудизм.

Экскурсии или «туры» были обычной практикой среди анархистов и при хорошей погоде организовывались еженедельно. Это были, например, воскресные прогулки, смысл которых был в том, что день проводился на свободе, вместе с коллегами, объединенными общими проблемами, в воссоздании символического пространства, соответствующего духу анархизма и либертарного коммунизма. Такие прогулки были одним из наиболее эффективных средств укрепления сплоченности и групповой идентичности, и их практика особенно ценилась молодыми либертариями. Они позволили удовлетворить потребности в отдыхе и развлечениях (являясь альтернативой таверне, танцам и т.п.), а также воспользоваться свободным временем для привлечения городской молодежи к идеям натурализма и культу здорового образа жизни. Речь шла о воссоздании «естественного» и «простого» образа жизни на открытом воздухе в сельской местности, противопоставленного отчужденной жизни мастерской и фабрики в негативной атмосфере города.

Экскурсии также выполняли пропагандистскую (включая митинги, выступления, продажу прессы) и организационную (встречи между различными группами и комитетами, собрания и т.д.) функции. Но особенно важным было сосуществование и выстраивание взаимоотношений между коллегами в целом, братание и социализация участников движения. Это осуществлялось в рамках развлекательных мероприятий (игры, пение), тренировок (дебаты, беседы, чтения), а также в практике нудизма и натурализма среди сторонников таких идей. Некоторые секции и туристические группы были очень активными и хорошо известными в 1920-х и 1930-х годах - например, Литературный Атенеи Клот, также известный как *Sol y Vida*, его практики продолжались и во времена изгнания.

Что касается «вечеров», то они были очень распространены в либертарной среде и в основном носили театральный характер, хотя также здесь практиковались чтение стихов или корот-

ких текстов, интерпретация музыкальных произведений и т.п. Они могли иметь нестандартную форму или сосредотачиваться на праздновании определенной даты в рабочем календаре, включая дань уважения определенной персоне, но обычно они организовывались с определенной периодичностью (вечером по субботам или воскресеньям) в помещениях анархистских объединений. Они носили открытый характер и посещать их могли не только сами анархисты и члены их семей, но и соседи, жители района или города. Вечера проводились с благотворительными целями для поддержки группы, атенея или союза, их социальных и культурных инициатив (поддержка изданий, основание рационалистической школы и т.п.), помощи заключенным или по другим причинам.

«Художественные картины», группы, состоящие поклонников театра в анархистской среде и их родственников или сторонников, были обычным содержанием этого типа практик в центрах и анархистских группах. Их присутствие также было частым после 1939 года: примерами этого являются группы *Iberia*, *Juvenil*, *Terra Lliure* или *Primero de Mayo*, осуществлявшие свою деятельность во французском изгнании.

Основным направлением таких практик было представление социальной драмы, хотя они также часто ставили комические пьесы для развлечения и просвещения, постановки монологов или даже музыкальные концерты. Традиция защиты социального театра или «идей» активно присутствовала в либертарной культуре и составляла существенную часть ее художественных и эстетических подходов. Они существовали в русле «социального» театра, который критически рассматривал противоречия и проблемы, присутствующие в буржуазном обществе (экономическая и моральная эксплуатация, социальные конфликты и т.д.), одновременно пропагандируя идеалы искупления и пролетарской борьбы. Также отстаивалась необходимость жизненного искусства, близкого людям, рассказывающего об их реальной жизни и поднимавшего проблемы, затрагивающие общество в целом²⁹.

---

²⁹ Литвак, 1981. Р. 213-252.

Это был реалистичный театр, но не натуралистический, пропитанный идеализмом и стремлением к искуплению. Театральные предпочтения анархистов могли быть самыми разными: Ибсен, Гауптманн, Судерман, Мирбо, Дисента, Иинадос, Фола Игурбиде и другие авторы, чьи работы содержали описанные критерии. Все это началось с конца XIX века в стремлении к распространению театра Ибсена, в соединении с наиболее радикальными элементами модернизма, особенно в Каталонии, в постановках *Teatre Independent*, *Compañia Libre de Declamacion* и других инициативах Фелипа Кортъелья и группы *Avenir* (журналы *Teatro Social* и *Avenir*, театральные вечера, работа по редактированию и переводу произведений и т.д.). Другими либертарными пропагандистами социального театра и авторами драматических произведений в эти годы и в целом в первые десятилетия XX века были Альбано Росель, Тереза Клараунт, Федерико Уралес, Адриан дель Валье, Хосе Санчес Роса, Мауро Бахатьерра, Франсиско Каро Креспо, Эрнесто Ордас и др.

В дополнение к распространению идей социального театра через анархистские ассоциации, присутствовала тенденция к обновлению театра в целом, воплощавшаяся Пролетарским театром и Труппой социального театра в Барселоне во республиканский период и во время гражданской войны, также в данном процессе участвовала Труппа народного театра и Либертарная молодежь, продвигавшая различные инициативы в этой сфере на протяжении всего периода войны. Однако, несмотря на эти попытки, в целом доминировать продолжали коммерческие театральные и развлекательные жанры, несмотря на контроль профсоюзов над индустрией развлечений. То же самое происходило в сфере кинематографа.

На протяжении 1930-х годов либертарии проявляли большой интерес к кино, развивая – как и в случае с театром – «социальную» тематику и ориентацию на советский кинематограф, французское, североамериканское и центрально-европейское социальное кино (Клэр, Пабст, Видор), пацифистские фильмы, а также научно-образовательное и документальное кино. Короткометражные фильмы, анимационные фильмы для детей и художественные фильмы демонстрировались на фестивалях,

вечерах, сессиях и социально-культурных мероприятиях либертарной направленности и эта тема постепенно проникала в общественные дебаты анархистов, в том числе из работ идейно близких представителей демократического движения: Матео Сантоса (режиссер *Popular Film*), Анхеля Лескарбура, Арманда Герры, Жозе Пейратса, Рамона Асина, Валериано Оробона Фернандеса и др.³⁰

В связи с началом гражданской войны в июле 1936 года, у анархистов в кинесфере возникли не только новые задачи, но и возможности: в их руках оказалась обширная структура кинопроизводства, связанная с синдикатом зрелищ в Барселоне (*SIE-Films*) и Мадриде, что способствовало активной кинодеятельности либертариюв, включая военные репортажи, документальные фильмы о фронте и тыле, а также художественные фильмы, такие как «Заря надежды», «Грущобы», «Наша вина» и др.

Целостная культура

В дополнение ко всем уже проанализированным культурным проявлениям, надо сказать, что либертарная культура в Испании неотделима от ряда практик и взглядов, которые существенно повлияли на изменения в повседневном поведении и привычках. К трансформации общества анархисты подходили в контексте личных и повседневных практик, так как считали, что формирование личности не сводится к интеллектуальному взаимодействию или простой передаче знаний. Характерной чертой либертарных культурных новаций был их целостный характер и акцент на охват всех сфер, связанных с человеком: «революция в умах», как один из элементов (иногда считающийся предварительным и почти всегда значимым) революционных изменений общества. Этот процесс подразумевал глубокое преобразование человека, его жизни и его привычек.

Во-первых, через поведение, «адекватное» с анархистской точки зрения и характеризующееся слаженностью действий и основанное на морали (как в общественной, так и в частной

---

³⁰ Navarro, 2004 (a). P. 307-318.

сферах), сохраняющее этические идеалы и принципы. Фактически, ценность или престиж участника движения и его статус «настоящего» анархиста в значительной степени зависели от его способности соблюдать определенный кодекс поведения - всегда безупречный - во всех сферах его жизни, включая повседневные практики, связанные с работой, семейной жизнью или отдыхом. Это было характерно как для всей культуры рабочего движения, так и для либертарных профсоюзов, формирующих образ сознательного рабочего, живущего в согласии с моральными принципами и обладающего твердой волей к «добродетели»³¹.

Во-вторых, эта трансформация подразумевала устранение авторитарных и неестественных тенденций в привычках человека. Среди практик, которые стали частью либертарной культуры и на которых настаивала часть секторов движения, мы находим некоторые, которые подразумевали неприятие и сопротивление традиционным кодексам социального поведения. Это выразилось во взглядах и ценностях, а также в организации мероприятий, которые предполагали переформулирование в прогрессивном и революционном ключе определенных социальных моделей поведения, включая, например, приверженность новому типу более свободных и менее авторитарных семейных, сексуальных и партнерских отношений - от многозначной «свободной любви» до защиты сексуальной реформы³², а также переосмысление социальной роли женщин³³. Также здесь делалась попытка обобщить определенные привычки, связанные, например, с более естественным образом жизни (натуризм, нудизм и т.п.) или с альтернативой официальной медицине. Другие практики в этой области были связаны с рядом гуманитарных и пацифистских принципов (антимилитаризм, изучение искусственных языков, таких как эсперанто или идо) или со светским кодексом поведения (антиклерикализм и отказ от религиозных церемоний, секуляризация привычек и др.).

---

³¹ Navarro, 2004 (b).

³² Navarro, 1997; Cleminson, 2008.

³³ Nash, 1981.

Многие из этих практик были тесно связаны: например, натурализм включал не только отношение к еде, медицине и приверженность к здоровому образу жизни, но и такие аспекты, как борьба за социальное равенство, рационалистическое образование, рациональная и естественная этика, сознательное материнство и контроль рождаемости (неомальтузианство и евгеника), новое видение сексуальности и гендерных отношений и т.д.³⁴

Возможно, именно последний тип практик наиболее успешно связывается с либертарной культурой и по сей день, воспринимаясь как ее характерным признаком. Влияние этого типа заметно и в других более поздних социальных движениях иного характера, которые восприняли критическую риторику в отношении традиционных семейных и сексуальных ролей, феминизм, осуждение использования институциональной власти, бунт, отстаивание новых стилей жизни, в контексте экологии, пацифизма, антимилитаризма, организации общественной жизни и т.д. Общим здесь выступает рассмотрение повседневности с анархической точки зрения как поля борьбы, как пространства для реализации практик, находящихся вне контроля государства, которые очертили бы контуры альтернативных форм жизни общества.

Таким образом, в либертарной культуре мы находим огромное разнообразие и множество элементов, форм, выражений и практик. Как отмечал Серж Бернштейн, сила политической культуры в ее способности эффективно распространяться³⁵.

Библиография / References

Aisa F. La cultura anarquista en Catalunya. Barcelona: Edicions 1984, 2006.

Alted Vigil A., Domergue L. La cultura del exilio anarcosindicalista español en el sur de Francia. Madrid: Ediciones Cinca, 2012.

Álvarez Junco J. La ideología política del anarquismo español (1868-1910). Madrid: Siglo XXI, 1991(1ª ed.: 1976).

---

³⁴ Roselló, 2003.

³⁵ Bernstein, 1997.

Barrio Alonso Á. La cultura política libertaria // Forcadell C., Suárez Cortina C. y M. La Restauración y la República, 1874-1936, vol. III de la Historia de las Culturas Políticas en España y América Latina (Manuel Pérez Ledesma e Ismael Saz, dirs.). Madrid-Zaragoza: Marcial Pons-Prensas Universitarias de Zaragoza, 2015.

Bernstein S. La culture politique // Rioux J.-P., Sirinelli J.-F. (eds.). Pour une histoire culturelle. París: Ed. Seuil, 1997.

Cleminson R. Anarquismo y sexualidad (España, 1900-1939). Cádiz: Universidad, 2008.

Chaput M.-C. (ed.). De l'anarchisme aux courants alternatifs (XIX-XXI siècles). Nanterre, Université Paris X, 2007.

Delhom J., Attala D. (dirs.). Cuando los anarquistas citaban la Biblia. Entre mesianismo y propaganda. Madrid: Los Libros de la Catarata, 2014.

Díaz Del Moral J. Historia de las agitaciones campesinas andaluzas-Córdoba (antecedentes para una reforma agraria). Madrid: Alianza Editorial, 1967 (1ªed.: 1929).

Herrerín Á. La CNT durante el franquismo. Clandestinidad y exilio (1939-1975). Madrid: Siglo XXI, 2004.

Hoffmann B., Joan i Tous P., Tietz M. (eds.). El anarquismo español y sus tradiciones culturales. Frankfurt-Madrid: Vervuert-Iberoamericana, 1995.

Lida C. Literatura anarquista y anarquismo literario // Nueva Revista de Filología Hispánica (México), 2, 1970.

Lida C., Yankelevich P. (comps.). Cultura y política del anarquismo en España e Iberoamérica. México D.F.: El Colegio de México, 2012.

Litvak L. Musa libertaria. Arte, literatura y vida cultural del anarquismo español (1880-1913). Barcelona: Antoni Bosch, 1981.

Madrid F. Literatura anarquista // Associació Cultural Alzina y Penalva C. (coords.). La rosa ilustrada. Trobada sobre cultura anarquista i lliurepensament. Alicante: Publicaciones de la Universidad de Alicante, 2006.

Madrigal A. Arte y compromiso. España, 1917-1936. Madrid: Anselmo Lorenzo, 2002.

Mainer J.C. Notas sobre la lectura obrera en España (1890-1930) // La doma de la quimera (Ensayos sobre nacionalismo y cultura en

España). Barcelona: Universitat Autònoma, 1988.

Marin D. De la llibertat per conèixer al coneixement de la llibertat. L'adquisició de cultura en la tradició llibertària catalana durant la dictadura de Primo de Rivera i la Segona República espanyola. Barcelona: Universitat de Barcelona (tesis doctoral inédita), 1996.

Marin D. Anarquistas. Un siglo de movimiento libertario en España. Madrid: Ariel, 2010.

Monjo A. Militants. Democràcia i participación a la CNT als anys trenta. Barcelona: Laertes, 2003.

Morales Muñoz M. Cultura e ideología en el anarquismo español (1870-1910). Málaga: Diputación Provincial, 2002.

Nash M. Mujer y movimiento obrero en España. Barcelona: Fontamara, 1981.

Navarro J. El paraíso de la razón. La revista Estudios, 1928-1937, y el mundo cultural anarquista. Valencia: Alfons el Magnànim, 1997.

Navarro J. Ateneos y grupos ácratas. Valencia: Biblioteca Valenciana, 2002.

Navarro J. A la revolución por la cultura. Prácticas culturales y sociabilidad libertarias en el País Valenciano, 1931-1939. Valencia: Universitat de València, 2004 (a).

Navarro J. El perfil moral del militante en el anarquismo español // Spagna Contemporanea (Italia). N 25. 2004 (b).

Navarro J. Diversidad y dualismos. La(s) cultura(s) políticas del movimiento libertario español // Bosch A., Carnero T., Valero S. (eds.). Entre la reforma y la revolución. La construcción de la democracia desde la izquierda. Granada: Comares, 2013.

Paniagua J. La larga marcha hacia la anarquía. Pensamiento y acción del movimiento libertario. Madrid: Síntesis, 2008.

Roselló J. La vuelta a la naturaleza. El pensamiento naturista hispano (1890-2000): naturismo libertario, trofología, vegetarianismo naturista, vegetarismo social y librecultura. Barcelona: Virus, 2003.

Siguán M. Literatura popular libertaria. Trece años de La Novela Ideal (1925-1938). Barcelona: Península, 1981.

Sirinelli J.F. Éloge de la complexité // Rioux J.-P., Sirinelli J.-F. (dirs.). Pour une histoire culturelle. Paris: Ed. Seuil, 1997.

Solà P. Las escuelas racionalistas en Cataluña (1909-1939). Bar-

celona: Tusquets, 1976.

Solà P. Educació i moviment llibertari a Catalunya (1901-1939).
Barcelona: Edicions 62, 1980.

Tavera S. (ed.). La cultura obrera, monográfico en Cercles. Re-
vista d'Història Cultural. N 8. 2005.

Tiana A. Educación libertaria y revolución social: España, 1936-
1939. Madrid: UNED, 1987.